

Келер С.

Некоторые вопросы перевода Жития Феодосия Печерского на немецкий язык

Последней работой нашего коллектива, занимающегося древнерусской литературой в Институте литературоведения Академии наук ГДР, был перевод Патерика Киево-Печерского монастыря. В качестве исходного текста мы использовали рукопись Киево-Печерского монастыря № 157 (1553-1554 г.), представляющую вторую Кассиановскую редакцию в издании Д. И. Абрамовича¹. Книга на немецком языке должна выйти в 1988 году — это наш вклад в празднование Тысячелетия Крещения Руси. Патерик переводили Дитрих Фрайданк, Готтфрид Штурм и Вальтраут Фёрстер. В мою задачу входил перевод жития Феодосия Печерского. Здесь представлены некоторые проблемы, связанные с этим переводом. Это три из тех случаев, когда в силу временной, культурно-исторической и географической отдаленности древнерусского текста от немецкого читателя утрачивается информация. Понятия становятся непонятными, поскольку отсутствует обуславливающий их фон.

Первый пример при переводе на современный русский язык не представляет проблемы, здесь еще существует необходимый фон, в немецком его нет. Речь идет о понятии «разумный волк»². Разумный волк подвергает опасности монастырскую паству благочестивых монахов. Неоднократно библейский образ доброго пастыря, охраняющего своих овец, используется в житии в применении к Феодосию и его ученикам: игумен — это пастырь, монахи — паства. А разумный волк — это, конечно же, сатана. «Разумный» тут означает то же самое, что и часто используемое в древнерусской духовной литературе прилагательное «мысленный». Это слово в то же время показывает, что волк — это образное понятие и что обозначенный таким образом враг действует в духовной сфере. В немецком же языке соответствующее слово «geistig» (приблизительно: «душевный») уже ничего не показывает. «Geistige Wolfe» (приблизительно: «душевные волки») просто не существует. Если же употребить слово «geistlich» (приблизительно: «духовный»), тогда по-русски это будет означать «духовный волк» — такое же совершенно непонятное сочетание получилось бы и по-немецки.

Как может переводчик разрешить эту дилемму? Он может отказаться от образного выражения и написать «der Teufel» («сатана»). Таким образом разрушается всякая связь с библейским добрым пастырем и его паствой. Можно включить в текст пояснение, например, написать «der auf geistigem Gebiet wirkende Wolf» (приблизительно: «волк в духовной сфере»). Тогда возникает дополнение, недопустимое с точки зрения строгого следования тексту; кроме того, это нарушение стилистической структуры текста, в результате такого вмешательства этот отрывок звучит почти смешно.

В рамках переводимого текста мы не нашли решения проблемы. «Der geistige Wolf» остался, а в комментарии было дано разъяснение.

Еще с одним трудным понятием мы столкнулись в молитве умирающего Феодосия. В ней говорится: «Но обаче молю Ти ся, Владыко мой Иисусе Христе, милостив

¹ Das Paterikon des Kiewer Hohlenklosters. *Slavische Propyläen. Texte in Neu- und Nachdrucken.* Hrg. von D. Tschizewskij nach der Ausgabe von D. Abraraovic. München, 1964. Bd. 2.

² Ср.: Ibid., в Похвальном слове прп. Феодосию. S. 91; ср. тоже: «мысленный зверь»: ibid. S. 79.

буди души моей, да не усърящет ея противных лукавство, но да примут ю Ангели Твои, проводящи ея темных мытарств, проводяще ю к Твоего милосердия свету»³. Понятие «мытарств» — таможи, неясно в контексте немецких категорий мышления. За что же еще душе платить пошлину, если она уже принята Ангелами? Немецкий читатель скорее вспомнит Теодора Фонтане, который в «Эффи Брист» пишет почти противоположное: «Gedanken und Wünsche sind zollfrei» — «Мысли и желания не облагаются пошлиной»⁴.

Это, конечно, не распространяется на территорию, подвергшуюся влиянию византийской культуры: за любой грех тут душа должна пройти «таможню» прежде, чем попасть в рай. И если на какой-то таможне ее сочтут виновной, и почивший не искупил свои грехи исповедью и покаянием, либо добрыми делами, то душу ведут в ад. Это древняя гностическая модель, согласно которой каждого человека сразу же после его смерти будут судить еще до Страшного суда. Душа проходит целый ряд испытаний.

Лишь весьма условно можно сравнить с этим католические представления о чистилище (Fegefeuer). Это очистительный огонь, в котором душа в течение некоторого времени после смерти приносит покаяние, если она не осуждена на вечные мучения. Хотя немецкий христианский читатель в основных чертах знаком с этим учением, конечно, нельзя «мытарства» переводить словом «Fegefeuer». Нельзя, во-первых, потому что учение о чистилище было окончательно разработано лишь два века спустя после Феодосия Фомой Аквинским; во-вторых, потому что «мытарства» и «Fegefeuer» содержат различные представления о том состоянии, в котором пребывает душа между смертью и Царством Небесным; в-третьих, потому что православное богословие никогда не признавало идеи чистилища.

И эту проблему пришлось разъяснить в комментариях, в тексте же осталось неясное слово «Zollstationen» (приблизительно: «станции таможи»).

И последняя переводческая проблема, о которой мне хотелось бы упомянуть, заключается в семантическом многообразии древнерусского слова «дерзновение». В прощальном слове Феодосия оно встречается дважды. В переводе О. В. Творогова данный отрывок читается так: «И так вы узнаете о дерзновении моем перед Богом: если увидите, что процветает монастырь наш, — знайте, что я возле Владыки Небесного; если же когда-либо увидите оскудение монастыря и в нищету впадет он, то знайте, что далек я от Бога и не имею дерзновения Ему молиться»⁵.

Заложенное здесь значение древнерусского слова «дерзновение» соответствует греческому «λαρρησία» — свободе слова, свободе просить о чем-то, разрешению обращаться к кому-то⁶. Однако слово «дерзновение» в этом значении не встречается больше ни в одном новорусском словаре. Это слово дается лишь как «Kühnheit» («смелость»), «Wagemut» («отвага») и т. п.⁷ — кстати, древнерусское «дерзновение» употреблялось и в этих значениях⁸. Но они едва ли могут соответствовать смыслу данной ситуации: сможет Феодосий после своей кончины ходатайствовать перед Богом о своем монастыре или нет, зависит не от того, насколько смелой будет его душа,

³ Ibid. S. 72.

⁴ Fontane Th. *Gesammelte Werke*. Berlin, 1919-1920. Bd. 4. S. 272.

⁵ Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века / Сост. и общ. ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. М., 1976. С. 389.

⁶ Ср.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Т. 4. С. 227; *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Репринт 1893 г. М., 1958. Т. 1. Стб. 777-778.

⁷ Ср., например: *Russisch-deutsches Wörterbuch*. Hrsg.: E. I. Leping, N. P. Strachova, K. Leyn, R. Eckert. Moskau, 1976. S. 166.

⁸ Ср.: СлРЯ. Т. 4. С. 227.

а от того места, которое ей будет отведено у Бога. Если Феодосий будет близок к Богу, он сможет ходатайствовать, если нет — то никакая смелость не поможет.

Поскольку в переводе О.В. Творогова на современный русский язык всё же используется слово «дерзновение», то можно предполагать, что с помощью богослужебных текстов, вопреки словарям, частично сохранилось старое значение слова — «*παρρησία*». Во всяком случае, вероятно, по контексту можно догадаться, что имеется в виду.

Этот отрывок мы перевели так: «Daran nun sollt ihr erkennen, ob ich *freien Zugang* zu Gott habe. Wenn ihr sehen werdet, wie alle Güter im Kloster sich mehren, so wisset, dass ich nahe beim himmlischen Herrscher bin. Wenn ihr aber Verarmung sehen werdet und alles verelendet, so erkennet, dass ich fern von Gott bin und *mich nicht erdreisten darf*, ihn um etwas zu bitten».

И в том, и в другом случае в основе перевода подчеркнутых выражений лежит значение «*παρρησία*», причем первый вариант (приблизительно: «имею ли я свободный доступ») представляет основное значение в обобщенном виде, а второе (приблизительно: «не осмеливаюсь») — конкретизирует это значение и несколько приближает его к значению «смелость».